

УДК 81-26

DOI: 10.47928/1726-9946-2020-20-1-68-72

Опасность жаргонизации современного литературного языка в ущерб его культивированию

Хуако Ф.Н. – академик АМАН

В официальной науке, обращенной к функционирующему в социуме языку, сформировалось суждение о государственном (русском) языке как общенародном, центральным воплощением коего работает язык литературный, противопоставляемый региональным и общественно-политическим наречиям. В числе определяемых социумом говоров присутствуют городской и деревенский разговорные оттенки, сленгизмы, профессионализмы и жаргонизмы. В пределах официально принятого литературного языка ощутимо прослеживается противоположение так называемого кодифицированного слога (отличающегося специфическими речевыми признаками) и некодифицированного художественного (нередко, – просторечного) языка. Подобная совместная конструкция во всевозможных изучениях способна размножаться на предмет составляющих, однако логика ее преимущественно сохраняется.

При этом центральными стержнями повествовательного слога выступают синтаксис, лексика. Исходя из того, что персональный слог изложения основывается на стилевой языковой конструкции, многое, относимое в современной науке к возможности вариантов, достаточно закономерно и применительно к речи автора. Манера произношения действующих персонажей хоть и упоминается в рассматриваемых текстах, однако она отнюдь не столь заметна, как словарь и структура предложений. Тем не менее, далеко не все языковые и речевые пространства располагают идентичными эмоционально-выразительными ресурсами. Устная речь не просто озвучивается, однако она обладает структурированными конфигурациями собственного макета. Художественная вариативность остро перестраивает такие действующие устные конфигурации: они включаются в письменное изложение, чтобы самим ввести в себя его компоненты. Тем не менее, нередко они от таковых уходят. Обладая собственными характерными своеобразиями, отдельные слоговые установки речи книжной появляются и поглощаются посредством одновременных стилевых конструкций, расположенных в речи бытовой. Ингредиенты так называемого «базарного стиля» и оживленных оттенков изложения несложно распознать в активной манере автобиографических записей, составляющих мемуары, записки, дневники. А также возможно – в форме художественной эпики.

Однако здесь насыщенность ими разнится по историческим периодам. Если взглянуть на эпiku века XIX, то смысловые элементы способны в ней обладать типом импликаций, в частности, у И. Бунина: «Большая дорога возле Становой спускалась в довольно глубокий лог, по-нашему верх, и это место всегда внушало почти суеверный страх всякому запоздавшему проезжему <...> » [1, с. 18]. В данном фрагменте словесно оформлена только деталь смысловой конструкции, поскольку здесь опущен метаоператор – глагол «именоваться», что воспринимается как некая речевая вольность. В большинстве случаев игнорируется непосредственно метаязыковая единица. Тем не менее, вероятно удаление названия действующего предмета изображения, к примеру, в ситуациях, когда дослов-

ное цитирование недопустимо в связи с нарушением этики. Так, у М. Лермонтова в его «Княжне Мери»: «Помню только, что под конец нашего разговора он оскорбил меня ужасным словом и вышел» [2, с. 187]. Вообще компоненты бытовой лексики порой насыщают классические тексты русской литературы, как то: «Записки сумасшедшего» Н. Гоголя, «Дневник лишнего человека» И. Тургенева, «Без дороги» И. Вересаева, «Рукопись, найденная под кроватью» Ал. Толстого, «Дневник дворецкого» И. Горбунова и др. Названные труды того времени порой активно насыщены ими, однако вопреки этому не перестают оставаться отечественной классикой эпического жанра. Несмотря на это, остается неизменным оттенок говора действующих лиц. К примеру, изложение событий князем Мышкиным у Ф. Достоевского («Идиот») отнюдь не насыщено режущими слух речевыми искажениями. Подобным образом как персонажный, так и авторский говор выступает способным лишь частично содержать специфическую лексику. Как известно, в пору создания приводимых текстов – XIX в. – этические мотивы можно считать реально ощутимыми и действующими, а их нарушителей – запрещаемыми.

Тем не менее, с течением времени сила этических причин была утеряна обществом, и отечественные тексты (и художественные, и публицистические) стали порядком отличаться от текстов классики именно в отношении степени жаргонизации. На протяжении века последующего русскоговорящие распознают необычную для них языковую тенденцию. Все чаще воспитанные советской системой люди удивляются и пугаются распространности арго-стиля, игнорирования текстом рамок социума. В этом случае налицо использование словесных течений ругани, рыночного жаргона, просторечного словаря, выражений из-за застенок. К началу нового века арго-стиль, выступавший в СССР строгим, дозволенным лишь определенно узким кругам населения, на сегодняшний день оказался фактически массовым явлением. Это доказывает следующий факт современной отечественной литературы. В России увидело свет произведение рижского журналиста и писателя, выросшего в советской стране Михаила Шахназарова (М., 2013). Оно получило отечественную премию «Рукопись года». Это «Слева молот, справа серп» – так называемый «Роман о нашем общем прошлом». Центральными фигурами в нем выступают юные специалисты (медиа-) пера периода распада СССР, оказавшиеся в комичном, несколько преступном походе.

События в книге происходят на поле бытия характерной для конца 90-х гг. прибалтийской элиты. Однако манера изложения в тексте (и рассказчика, и персонажей) ощутимо задевает и сильно коробит любого читателя, заставшего еще в той или иной мере советское жизнеустройство. Дающие свои отзывы о книге комментаторы говорят о том, что все это смешно и приятно вспомнить; однако, по нашему мнению, далеко не для всех. Любой подобный «кривой слог» заставит воспитанного человека вздрогнуть и покраснеть. И если в традиционной художественной прозе разговорная стилистика допускается в соотношении один – ко множеству, то имеющаяся здесь насыщенность, подразумевающая фактически каждый абзац (и даже предложение), пугает и утомляет.

Попытаемся в доказательство проанализировать определенный фрагмент текста романа М. Шахназарова (первые два подраздела, занимающие двадцать пять страниц), систематизируя имеющуюся разговорно-жаргонную лексику. Анализ показывает, что различаться подобные выражения могут по следующим группам. Приведем далее общую

классификацию лексических единиц по каждой из подгрупп, с указанием некоторых примеров (в случае допустимости из этических соображений) и, в скобках, – числа их применений (если более одного раза). Итак, данная разговорно-просторечная лексика делится:

1. По порождающему образ источнику: уголовная среда, типа «испохабил», «шмотье» и др., природная среда, типа «вот это конь» (о человеке), «шишки» (о партийцах) и др. [3, с. 4-23]. Так, в частности, в преступном мире применяются выражения, семантика коих оказывается различима только в случае погружения в семантическую глубину. Выражения, изначально бытовавшие лишь в застенках камер, сегодня расширили поле деятельности, перейдя в художественную среду. Причем нередко существенная доля арго-единиц поступает из речевого источника в ходе смыслового смещения: значения вполне литературных слов и выражений переключаются на не присущие им предметы, что наделяет объекты яркими и выразительными признаками. К примеру, слова «жучки», «ночные бабочки», «козёл» в официально-деловом применении допустимы в текущем смысле. Однако применительно к водительскому кругу общения, будучи обозначениями транспортных средств, когда неодушевленные инструменты получают название единиц одушевленных, они воспринимаются как арго-фразы.

2. По частям речи: глаголы, типа «малевать», «жрать» [2] и др. [3, с. 4-23]. Как показывает наблюдение, число глаголов в тексте значительно превышает частоту существительных. То есть в жаргонном ряду наиболее распространенными выступают именно глагольные продукты.

3. По персональным признакам: физиологическим (т.е. телесным) (к примеру, «башка» и др.) и личностным (к примеру, «паразит», «кретин» и др.), а также такой признак, как профессионализм, к примеру, торговца (к примеру, «барыга») [3, с. 4-23].

Наблюдая подобное явление на строках современной публицистики, получатель старается адекватно воспринять признаки описываемых предметов, а затем, – осознать и найти основания распространенности и присутствия идентичных тенденций. Одновременно с бесспорно негативным восприятием подобной вольности рядовой читатель, однако, может заявить, что «базарный» стиль сообщает тексту «современный» оттенок, сооружает образ жизни как более свободный, содействует налаживанию коммуникационных связей, выступает общественно-политическим признаком некоего «своего» типажа. И, возможно поэтому автор анализируемого текста М. Шахназаров, будучи сильно привыкшим к подобной манере выражения, не оставляет ее и в своих интервью: «Жизнь в современной Латвии напоминает балаган с элементами карманной эквилибристики. Политики здесь интересные. Любят поговорить об угрозе со стороны России, под шумок слямзить парутройку EVRO-FONDовских «лимонов»» [4].

То есть подобная речевая склонность к вольному стилю весьма ощутима и рефлексивна в индивидуальном сказе автора. Здесь обратимся к мнению мирового гуманиста А. Компаньона, рассматривающего в своем литературоведческом издании «Демон теории» вопросы авторского стиля. Считая вопрос стиля напрямую связанным с идеей «ясного и осознанного намерения» пишущего автора, французский теоретик утверждает: «стиль у него не имеет ничего общего с сознательным авторским выбором, но, как девиация, выражает собой некоторый «духовный этимон», «психологический корень»» [5, с.

271]. И далее, уже в обобщении мысли литературоведа, читаем: «Стилевая особенность поддается интерпретации как индивидуальный или коллективный симптом культуры в языке» [5, с. 271]. Либо, вновь о стиле пишущего, но уже в художественной форме, – у французского классика Г. Флобера в его «Госпоже Бовари»: «Ведь философские убеждения г-на Омэ не препятствовали его эстетическим наслаждениям, мыслитель нимало не подавлял в нем человека, наделенного чувством; он умел проводить грани, умел отличать воображение от фанатизма. В «Аталии», например, он порицал идею, но восхищался стилем, ругал общий замысел, но рукоплескал всем деталям. Он возмущался действующими лицами, но воодушевлялся их речами. Читая прославленные отрывки, он испытывал восторг; но, вспоминая, что бритые макушки извлекают из этих вещей кое-какие выгоды для своей лавочки, приходил в отчаяние» [6]. Осмелимся отнести данную логику и к отечественной ситуации со стилиевыми проявлениями пишущих и публикуемых сегодня авторов.

А это, в свою очередь, является достаточно отчетливой проблемной тенденцией на фоне как общероссийской, так и региональной языковой и гуманитарной упущенности. Следовательно, аналогичная, моментально захватывающая внимание и легко запоминаемая лексика активизируется на фоне образовавшегося в современной России дефицита достойной печатной продукции и исключения литературных, языковых часов из школьной нагрузки. Образующийся в подобных условиях вакуум наступает, и такого рода продукция захватывает требуемую сферу влияния – умы и души «тоскующего о духовном» населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Собр. соч. Т. 5. Жизнь Арсеньева. Темные аллеи: Рассказы. М.: Худож. лит., 1987.
2. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени: В 2-х чч. Ч. 2. Княжна Мери. М.: Страдиз, 1997.
3. Шахназаров М. Слева молот, справа серп. М.: АСТ, 2013.
4. Шахназаров М. (интервью) // Известия. 2013. 12 нояб. <http://izvestia.ru/news/560528>
5. Компаньон А. Демон теории. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001.
6. Флобер Г. Собрание сочинений в 5-ти тт. Т. 1. М.: Правда, 1956. С. 37–310. http://www.azlib.ru/f/flober_g/text_0010.shtml

ABSTRACT

In the article, the object of the analysis is put forward a slang style, which is not uncommon today, in artistic and journalistic texts. There is a consideration on the example of the analysis of M. Shakhnazarov's style (material of interview and the book «On the Left a hammer, on the right a sickle»). Proceeding from the statement of more careful handling of stylistic variations in classical texts, the author of the article directly refers to the text of this author and, making selections from some line-by-line and verbal examples, comes to conclusions about the inadmissibility of the use of such vocabulary in the book.

Keywords: vocabulary, journalism, Shahnazarov, style.

Maikop state technological university, Maikop; Fatimah2@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье объектом анализа выдвигается нередкий на сегодня жаргонный стиль в художественно-публицистических текстах. Происходит рассмотрение на примере анализа стиля М. Шахназарова (материал интервью и книга «Слева молот, справа серп»). Исходя из констатации более осторожного обращения со стиливыми вариациями в классических текстах, автор статьи непосредственно обращается к тексту указанного автора и, делая выборки из некоторых построчных и словесных примеров, приходит к выводам о недопустимости применения подобной лексики в книге.

Ключевые слова: лексика, публицистика, Шахназаров, стиль.

Майкопский государственный технологический университет, Майкоп; Fatimah2@mail.ru

© Ф.Н. Хуако, 2020